

УДК 821.161.1+821.111+82.091

ББК 83+83.3(2РОС=РУС)1+ 83.3(4)

<https://doi.org/10.22455/2619-0311-2020-3-158-168>

Вера Сердечная

**Уильям Блейк и Ф.М. Достоевский:
история сопоставления**

Vera Serdechnaia

**William Blake and F.M. Dostoevsky:
a History of Comparison**

Об авторе: Вера Владимировна Сердечная, кандидат филологических наук, научный редактор, издательский дом «Аналитика Родис» (Краснодар).

E-mail: rintra@yandex.ru

Аннотация: Статья посвящена истории сопоставления произведений Уильяма Блейка и Федора Достоевского в истории литературоведения и культуры. Автор рассматривает историю сопоставлений творчества английского романтика и русского реалиста начиная с лекций Андре Жида 1920-х годов, в которых он использует цитаты из «Бракосочетания рая и ада» Блейка для понимания Достоевского. Жид считал, что их объединяет тема дьявола и очарованность злом, и заложил традиции сопоставления Блейка с Достоевским и Ницше, которые отразились в творчестве Жана Валя и Жоржа Батая. Американский ученый Мелвин Райдер объединял Блейка и Достоевского в переосмыслении структуры христианской Троицы и образа демиурга. Колин Уилсон также сопоставляет Блейка, Достоевского и Ницше в их отношении к христианству, подтверждая традицию отнесения Блейка к литературе модернизма. Чеслав Милош в 1970-е объединяет Блейка и Достоевского как проводников конца христианского этапа истории: оба они страстно констатируют устрашающее падение человечества в бездну материального мира и невозможность выжить там в прежнем обличье. Шведско-английский исследователь Д. Густафссон в своих статьях 2010-х годов защищал идею о внутреннем единстве писаний Блейка и поэтики Достоевского: пламенный Орк Блейка – той же природы, что и молодые революционеры Достоевского, и проходит тот же путь от бунтаря до тирана. В опере Александра Белоусова «Книга Серафима» (2020) объединяются Ставрогин и блейковская Тэль: режиссер трактует стремление Тэль и Ставрогина как выход из невинности в опыт, и танец Ставрогина с Тэль-Матрешей – не насилие, а юная страсть. Таким образом, у английского романтика Блейка и русского реалиста Достоевского наличествует серьезная и небезосновательная история сопоставления.

Ключевые слова: Уильям Блейк, Федор Достоевский, Четыре Зоа, «Братья Карамазовы», модернизм, демиург и Христос, проблема свободы, история критики.

Для цитирования: Сердечная В.В. Уильям Блейк и Ф.М. Достоевский: история сопоставления // Достоевский и мировая культура. Филологический журнал. 2020. № 3(11). С. 158-168.

<https://doi.org/10.22455/2619-0311-2020-3-158-168>

About the author: Vera V. Serdechnaia, Ph.D. in Philology, academic editor, Analitika Rodis Publishing House (Krasnodar).

E-mail: rintra@yandex.ru

Abstract: The article is devoted to the history of comparing the works of William Blake and Fyodor Dostoevsky. The author starts with the lectures of Andre Gide in the 1920s, in which he used quotes from Blake's *Marriage of Heaven and Hell* to clarify Dostoevsky. Gide believed that both authors were united by the devil theme and the fascination with evil and started the tradition of comparing Blake with Dostoevsky and Nietzsche, reflected in the works of Jean Wahl and Georges Bataille. American scholar Melvin Rader united Blake and Dostoevsky in rethinking the structure of the Christian Trinity and the image of the demiurge. Colin Wilson also compared Blake, Dostoevsky, and Nietzsche in their attitude to Christianity, confirming the tradition of attributing Blake to the literature of modernism. Czesław Miłosz in the 1970s unites Blake and Dostoevsky as visionaries at the end of the Christian stage of history: both of them passionately note the terrifying fall of mankind into the abyss of the material world and the inability to survive there in its former guise. The Swedish-English researcher D. Gustafsson in his articles of the 2010s defended the idea of an inner unity between the writings of Blake and Dostoevsky: the fiery Orc of Blake has the same nature as the young revolutionaries of Dostoevsky, and goes the same way from rebel to tyrant. In the opera of Alexander Belousov in Stanislavsky Electrotheatre in Moscow, "The Book of Seraphim" (2020), Dostoevsky's Stavrogin and Blake's Thel are combined. The director interprets the desire of Thel and Stavrogin to get out of innocence into experience, and the dance of Stavrogin with Thel-Matryosha is not an act of violence, but an act of young passion. Thus, the English romanticist Blake and the Russian realist Dostoevsky have a serious and interesting history of comparison.

Keywords: William Blake, Fyodor Dostoevsky, Four Zoa, *The Brothers Karamazov*, modernism, demiurge and Christ, the problem of freedom, history of criticism.

For citation: Serdechnaia V.V. William Blake and F. M. Dostoevsky: a History of Comparison. *Dostoevsky and World Culture. Philological journal*, 2020, No. 3(11). Pp. 158-168.

<https://doi.org/10.22455/2619-0311-2020-3-158-168>

Интересная задача – сопоставлять английского романтика Уильяма Блейка с русским реалистом Достоевским, который Блейка, насколько известно, не читал. С первого взгляда сравнение выглядит совсем нерелевантным: один художник и поэт, витавший в возвышенных сферах авторской мифологии и живший в период романтизма, второй – реалист, исследователь глубин русской души в формах

полифонического романа. Однако имена Блейка и Достоевского нередко упоминаются рядом. Исследователи уже почти столетие пишут «о блейковских мотивах у Достоевского, который никогда не слышал о Блейке» [Milosz, 1975, p. 318]. Этот феномен интересен и требует своего исследования.

Впервые эти имена свел воедино, по-видимому, Андре Жид, который использует фразы Блейка для прояснения облика героев Достоевского в лекциях 1920-х годов. Он говорит: «У Достоевского мы находим то загадочное перемещение ценностей, которое встречается уже у Вильяма Блейка, великого английского поэта-мистика» [Жид, 1994, с. 97]; – и уточняет, что главной общей темой у них оказывается дьявол и концепция зла: «Наверно, ни один художник не отводил дьяволу такой крупной роли в своем творчестве, как Достоевский, если не считать Блейка» [Жид, 1994, с. 113]. Андре Жид первым привлекает Блейка и к анализу характера Ставрогина: «Ставрогин по-настоящему любит только энергию. Обратимся к Вильяму Блейку за объяснением этого загадочного характера. “В одной энергии – жизнь”, “Энергия – вечное наслаждение”, – говорил Блейк» [Жид, 1994, с. 110]. Исходя из лекций и эссе Жида, очевидно, что он воспринимает Блейка прежде всего как автора антиклерикальной, сатирико-аллегорической и вместе с тем возвышенной поэмы «Бракосочетание Рая и Ада», где Блейк действительно дает голос энергичным дьяволам и морализирующим слабакам ангелам; правда, это всё происходит не совсем в прямом смысле, но по законам иносказания. Жид первым предлагает сближение трех имен: Блейк, Ницше, Достоевский – которым предстоит часто упоминаться вместе. Парадоксальные писатели, вглядывающиеся в зло, ниспровергающие обыденную мораль и пытающиеся создать новую.

Впоследствии сложилась французская традиция сопоставления именно Блейка с Ницше и Достоевским. Философ Жан Валь (1888–1974), учитель Левинаса, выделял в своих книгах тип «поэта-философа», к которым относил не только Кьеркегора и Ницше, но и Нерваля и Рембо, Блейка и Достоевского. Жорж Батай также объединял Ницше, Достоевского и Блейка как своего рода «поэтов зла»: очевидно, что Жид задал своего рода парадигму в осмыслении «безумных» писателей-философов.

Биографии Блейка и Достоевского оказались соединены в общественном сознании также популярной на рубеже веков идеей о гении-сумасшедшем. Показательна строка из письма Джуны

Барнс в 1939 году: «Блейк был безумен, Достоевский сумасшедший, Стриндберг лунатик, Верлен, Джойс, Рембо, По, Лэм, Марлоу – алкоголики...»¹ [Цит. по: Caselli, 2009, p. 257].

Вскоре после Жида вопросами сопоставления двух авторов занялся профессор философии вашингтонского университета Мелвин Рейдер, он также издал книгу «Сравнение Уильяма Блейка и Федора Достоевского» [Rader, 1927], к сожалению, не доступную на данный момент ни в интернете, ни в русских библиотеках. Однако, как можно судить по доступным статьям Рейдера, он объединял Блейка и Достоевского как литературных аутсайдеров, далеких от литературного общества [Rader, 1958], а также в их переосмыслении структуры христианской Троицы и образа демиурга [Rader, 1931]. Так, Рейдер пишет: «Достоевский подтверждает изречение Уильяма Блейка: “Единый закон для льва и быка – притеснение”. Пластичность его восприятия, обратимость норм, податливость его характеров, острота и пронизательность его прозрений, сама “протоплазматическая бесформенность” его пророческих видений являются основами освобождения; они поражают и возбуждают ум и открывают воображение бодрящему горному воздуху. Законы шатаются, институты рушатся, и Демиург исчезает вдали» [Rader, 1931, p. 284]. Также Рейдер применял слова Блейка как ключевую фразу для понимания «Легенды о Великом Инквизиторе»:

Будучи апологетом «твердого древнего закона» и удобных иллюзий, к которым так отчаянно привязан род людской, Великий Инквизитор угрожает распять Иисуса на втором кресте, над костром. Ведь именно Христос несет огненный меч острый, чтобы разрушить самодовольство смертных. Он записывает свои заповеди на вершине горы, для достижения которой человек должен превзойти себя. Центральная мысль «Легенды», если преодолеть скептицизм Ивана и решиться на утверждение, может быть сформулирована словами Уильяма Блейка: «Бог становится таким, как мы, чтобы мы могли стать такими, как Он» [Rader, 1931, p. 291].

Блейка и Достоевского свел воедино как литературных аутсайдеров Колин Уилсон в своей книге «The Outsider» (1956), пережившей много переизданий, вплоть до 2014 года. В этом списке у автора

---

¹ Перевод из иноязычных источников здесь и далее наш – В.С.

также Кафка и Камю, Элиот, Ницше и другие. Уилсон объединяет этих мыслителей в их отношении к христианству; метафора смелая, но не слишком точно обоснованная: «И вот, сразу видно, что у нас странная группа: Блейк, Кьеркегор, Ницше, Достоевский: два предельно неортодоксальных христианина, один языческий “философ с молотом” и один мучимый полу-атеист, полу-христианин, – исходящие из одного импульса и движимые одними побуждениями» [Wilson, 1956, p. 175]. К. Уилсон пишет: «Борьба Блейка очень напоминает Ницше; и сходство между их мировоззрением поражает, учитывая восемь десятилетий между их датами рождения, – что делает Блейка современником доктора Джонсона, Ницше и Достоевского» [Wilson, 1956, p. 246], – таким образом, он поддерживает сформированное еще прерафаэлитами мнение о Блейке как духовном ровеснике модерна. Более того, Ницше и Достоевский лишь расширяют наше понимание Блейка: «Во многом мы сможем лучше понять Ницше, если изучили Блейка <...> Блейк во многом “религиозный аутсайдер”, и нам понадобится Достоевский, чтобы расширить понимание религиозного аутсайдерства для того, чтобы оценить поразительную психологическую тонкость блейковского подхода» [Wilson, 1956, p. 148].

Уилсон, как и многие после него, использовал Блейка как способ разъяснить Достоевского: «Раскольников не имеет веры в своем поступке. Он видит Петроград так же, как Блейк видел Лондон после индустриальной революции» [Wilson, 1956, p. 178]. Неоднократно в западном литературоведении можно увидеть замечания о том, что Блейка с Достоевским объединяют образ страдающего ребенка, скептическое ощущение города как противоестественной среды, и, конечно, осмысление христианского послания в эпоху промышленной революции.

В том же 1956 году свою небольшую книжку выпустил американский литературовед Хэролд Годдард: он писал о совпадении «четырёхчастного» видения мира у Блейка с другими «визионерами»: Данте, Шекспиром, Бетховеном и Достоевским [Goddard, 1956].

Таким образом, Блейка и Достоевского нередко объединяют литературоведы. Так, их обоих называют предтечами экспрессионизма [Lipski, 1973, p. 299]. Клэр Колбрук видит общее в их трактовке иронии (которая отличается от романтической). Это понимание иронии, общее для Блейка, Достоевского и Свифта (а также Ницше) – в том, что они парадоксально реализуют противоречия в ху-

дожественной форме: высказывая моральную истину, они тут же иронизируют над морализаторством как таковым [Colebrook, 2004, p. 54-61]. Вероятно, здесь можно говорить также о диалогичности формы и содержания: теория Бахтина о диалогизме, ретроспективно примененная к Блейку, дала бы свои интересные выводы.

Однако более часто можно встретить сопоставление Блейка и Достоевского как своего рода теологов от литературы. Томас Олтайзер упоминает Блейка и Достоевского (а также Ницше, Гегеля, Маркса) как авторов, в чьих произведениях очевидна библейская пророческая традиция [Altizer, 1967, p. 21]. Более определенно на эту тему высказывается Ч. Милош: «Достоевский, как и Сведенборг и Блейк до него, изо всех сил пытался поглотить ересь и интегрировать ее в собственную христологию» [Milosz, 1975, p. 317].

Чеслав Милош проводит глубокое и серьезное сопоставление Блейка и Достоевского в своей книге «Земля Ульро» (1977), переведенной на русский только в 2018 году. Он объединяет их как провидцев конца христианского этапа истории: оба они страстно констатируют устрашающее падение человечества в бездну сугубо материального мира и невозможность выжить там в прежнем облике. Само название книги Милош берет у Блейка: «Ульро – слово, заимствованное у Блейка. Оно означает страну духовных страданий, которые терпит и должен терпеть искалеченный человек» [Милош, 2018, с. 83].

Милош видит Блейка и Достоевского исследователями одной и той же вселенной, где самость и себялюбие человека ввергают его в печаль и нищету по его собственной вине: «Блейк считал вселенную – такую, какой ее представляют себе люди – следствием грехопадения и приписывал эгоизму индивидуума “призрачные” черты. “Записки из подполья” Достоевского – продолжение и кульминация той же цепочки умозаключений» [Милош, 2018, с. 117]. Он также находит у Блейка и Достоевского общего духовного предшественника: мистика Сведенборга. Блейк прямо называет Сведенборга среди своих учителей (хоть позже и расправляется с ним в «Бракосочетании рая и ада»), а у Достоевского «отголоски влияния Сведенборга можно обнаружить в фигуре Свидригайлова и в нравственном учении старца Зосимы» [Милош, 2018, с. 241], причем Милош поясняет, где можно увидеть следы влияния Сведенборга в проповеди старца Зосимы [Милош, 2018, с. 261]. Сведенборг мог заинтересовать как Блейка, так и Достоевского как свидетель переломных времен, когда

былое традиционное христианство приходило в новое состояние, теснилось научной картиной мира.

И сами Блейк и Достоевский принадлежат, по мысли Милоша, к одному духовному «поколению» – эпохе людей, осознающих крушение христианской картины мира. К этому поколению, в частности, приходит принципиально новое понимание города как места угнетения человека: «Лондону из стихов Блейка принадлежит первенство – перед Лондоном Диккенса (и Норвида), Парижем Бальзака и Бодлера, Петербургом Гоголя и Достоевского» [Милош, 2018, с. 290].

Милош находит интересную параллель в мирах Блейка и Достоевского, – тем более интересную, что Достоевский Блейка не читал, – в четверке главных героев, по всей видимости, выстроенной в обоих случаях по законам архетипов Юнга, его символической четверки: четыре титана-Зоя у Блейка и четверо Карамазовых.

Четверо Карамазовых в точности соответствуют Четверке Блейка. Отец, Федор, представляет бремя телесности, Тармаса. Дмитрий – слепую силу страсти, как любви, так и ненависти, Луву. Иван – это Уризен, то есть люциферический страдающий разум. Наконец, Алеша представляет Уртону, Воображение, готовность принять Святого духа, и именно он видит сон о Кане Галилейской. Есть еще Смердяков, тень, Призрак Ивана-Уризена, реализовавшееся отрицание <...> Уризенический Иван лепит Бога по своему подобию, так, что его Бог-Творец становится Уризеном деистов, после чего дает Ему свою моральную оценку и выносит обвинительный приговор. Но Уризен – это, собственно говоря, Дьявол, почитаемый под именем Бога, поэтому Достоевский должен противопоставить ему Христа. Таким образом, «Братья Карамазовы» предстают перед нами как поздняя разновидность все той же оборонительной тактики христианства, основанной на Богочеловечестве, то есть на космической ценности Предвечного Адама [Милош, 2018, с. 313-314].

Шведско-английский исследователь Д. Густафссон в 2010-х опубликовал в России несколько статей о Блейке, где защищал идею о внутреннем единстве его писаний и поэтики Достоевского: «Подобно Достоевскому, Блейк (и его произведения тому очевидное доказательство) имеет острое чувство *диалогической* и *полифонической* природы языка, смысла и личности» [Густафссон, 2014, с. 31].

В статье «Духовная свобода у Блейка и Достоевского» этот автор говорит о том, что оба эти автора являются яркими противниками «такого объяснения человеческой природы, которое либо отрицает нашу свободу, либо делает ее вторичной по отношению к нашему счастью и материальному благополучию» [Gustafsson, 2015, p. 26]. Свойственное обоим авторам понимание свободы исследователь называет истинно христианским: «свобода может использоваться во зло или во благо, но правильное деяние свободы, когда мы истинно свободны, – это когда мы, с нашей волей и восприятием, свободно ориентированы ко Христу» [Gustafsson, 2015, p. 26]. История выбора Альбиона между своими сущностями, Уризеном и Уртоной/Лосом, – та же история Раскольникова или братьев Карамазовых (здесь Густафссон показывает удивительную близость к логике Чеслава Милоша, хотя его произведений и нет в пристатейном списке литературы). Недаром Блейк говорит, что мы свободны только в воображении, а воображение есть движение от пагубной Самости (*Selfhood*) к Христу, «Великой Человечности Божественной» (*Great Humanity Divine*). Обоих авторов объединяет раннее увлечение утопистски-радикальными идеями (петрашевцы у Достоевского, радикализм раннего Блейка) и последующий отход от этой идеологии. Пламенный Орк Блейка, как доказывает Густафссон, – той же природы, что и молодые революционеры Достоевского, и проходит тот же путь от бунтаря до тирана. Как и у Блейка, у Достоевского свобода – это прежде всего понятие не социальное, а духовное. Густафссон отмечает, что и Блейк, и Достоевский являются противниками такой научной картины мира, которая отрицает воображение и чудо: Блейк порицает Ньютона и Локка, а Достоевский – «Эвклидов ум», бунтующий против Бога. Как и Блейк, Достоевский дает голос «малым сим»: у Блейка это житель Лондона, маленький трубочист или бродяжка, у Достоевского – человек из подполья. Как заключает исследователь, «Свобода и для Блейка, и для Достоевского должна обозначать свободу не только от актуальной репрезентации, но и от тех ложных идей и мнений о состоянии человека, которые превращают нас в субъектов материального или морального принуждения» [Gustafsson, 2015, p. 45]. Таким образом, Густафссон находит у Блейка и Достоевского много пересечений, которые основаны, как и у Милоша, на отношении обоих авторов к окружающей их социальной реальности и к христианству.

Одним из неожиданных примеров сопоставления Блейка с Достоевским стала премьера оперы Александра Белоусова «Книга Серафима» в Электротеатре Станиславский, где признание Ставрогина из «Бесов» сопоставляется не «Бракосочетанию Рая и Ада», как можно было бы ожидать, а одной из первых поэм Блейка, «Книга Тэль». В ней, по традиционному толкованию, идет речь о нерожденной душе, которая спускается в область порождения и бежит оттуда, испугавшись сложностей и противоречий жизни. Интересно, что режиссер выбирает для постановки перевод Бальмонта, который, в общем, весьма свободен и напоминает скорее вольный подстрочник – хотя со времен Бальмонта «Книгу Тэль» много раз перевели более точно и по смыслу, и по ритму. Режиссер неожиданно трактует стремление Тэль и Ставрогина как нечто схожее по вектору, как выход из невинности в опыт, и по-своему снимает со Ставрогина многолетнее обвинение: его танец с Тэль-Матрешей – не насилие, а юная страсть, которая увенчивается беременностью.

Таким образом, можно прийти к выводу, что у английского романтика Блейка и русского реалиста Достоевского наличествует серьезная и небезосновательная история сопоставления: начиная с начала XX века Блейка используют, чтобы сделать Достоевского понятнее, и обоих авторов включают в некие группы близких по духу теологов-еретиков от литературы, бунтарей и безумцев. Однако, если отбросить бесперспективные околобиографические размышления (о «безумии» обоих гениев), в работах Ч. Милоша, Д. Густафссона и других исследователей вырисовывается значительная и неслучайная общность в проблематике произведений Блейка и Достоевского и в их решении данных проблем. Оба автора остро осознают переломность эпохи, которая отказывается от традиционной христианской картины мира, и потому делают центром своего интереса схожие проблемы: внутренний неразрешимый раздор человека и общества, противоречие между демиургом и Христом, пагубность рассудочно-научного подхода к миру, мертвящее действие урбанизации и обманчивость революционной энергии разрушения.

Список литературы

1. Густафссон, 2014 – *Густафссон Д.* Блейк и православие // Язык. Словесность. Культура, 2014. № 1-2. С. 16-36.
2. Жид, 1994 – *Жид А.* Достоевский. Эссе. Томск: Водолей, 1994. 288 с.
3. Милош, 2018 – *Милош Ч.* Земля Ульро. СПб.: Издательство Ивана Лимбаха, 2018. 472 с.
4. Altizer, 1967 – *Altizer Th. J.* The Gospel of Christian Atheism. Collin, 1967. 157 p.
5. Caselli, 2009 – *Caselli D.* Improper Modernism: Djuna Barnes's Bewildering Corpus. Ashgate Publishing, Ltd, 2009. 290 p.
6. Colebrook, 2004 – *Colebrook C.* Irony. Routledge, 2004. 195 p.
7. Goddard, 1956 – *Goddard H.C.* Blake's Fourfold Vision. Wallingford, 1956. 33 p.
8. Gustafsson, 2015 – *Gustafsson D.* Spiritual freedom in Blake and Dostoevsky // Язык. Словесность. Культура, 2015. № 3. P. 25–48.
9. Lipski, 1973 – *Lipski J.J.* Expressionism in Poland // Expressionism as an International Literary Phenomenon: Twenty-one essays and a bibliography. John Benjamins Publishing, 1973. P. 299-314.
10. Milosz, 1975 – *Milosz Ch.* Dostoevsky and Swedenborg // Slavic Review, 1975. Vol. 34, No. 2. P. 302-318.
11. Rader, 1927 – *Rader M.* A Comparison of William Blake and Fyodor Dostoevsky. University of Washington, 1927. 348 p.
12. Rader, 1931 – *Rader M.* Dostoevsky and the Demiurge // The Sewanee Review, 1931. Vol. 39, No. 3. P. 282-292.
13. Rader, 1958 – *Rader M.* The Artist as Outsider // The Journal of Aesthetics and Art Criticism, 1958. Vol. 16, No. 3. P. 306-318.
14. Wilson, 1956 – *Wilson C.* The Outsider. London: Pan books LTD, 1956. 340 p.

References

1. Gustafsson D. Bleik i pravoslavie [Blake and Orthodoxy]. *Iazyk. Slovesnost'. Kul'tura* [Language. Literature. Culture], 2014, No 1-2. Pp. 16-36. (In Russ.)
2. Gide A. *Dostoevskii. Esse* [Dostoevsky. Essay]. Tomsk, Vodolei Publ., 1994. 288 p. (In Russ.)
3. Milosz Ch. *Zemlia Ul'ro* [The Land of Ulro]. St. Petersburg, Izdatel'stvo Ivana Limbakha Publ., 2018. 472 p. (In Russ.)
4. Altizer Th.J. *The Gospel of Christian Atheism*. Collins, 1967. 157 p. (In English)
5. Caselli D. *Improper Modernism: Djuna Barnes's Bewildering Corpus*. Ashgate Publishing, Ltd., 2009. 290 p. (In English)
6. Colebrook C. *Irony*. Routledge, 2004. 195 p. (In English)
7. Goddard H.C. *Blake's Fourfold Vision*. Wallingford, 1956. 33 p. (In English)
8. Gustafsson D. Spiritual freedom in Blake and Dostoevsky. *Iazyk. Slovesnost'. Kul'tura* [Language. Literature. Culture], 2014, No 3. Pp. 25–48. (In English)

9. Lipski J.J. Expressionism in Poland. *Expressionism as an International Literary Phenomenon: Twenty-one essays and a bibliography*. John Benjamins Publishing, 1973. Pp. 299-314. (In English)
10. Milosz Ch. Dostoevsky and Swedenborg. *Slavic Review*. 1975, Vol. 34, No. 2. Pp. 302-318. (In English)
11. Rader M. *A Comparison of William Blake and Fyodor Dostoevsky*. University of Washington, 1927. 348 p. (In English)
12. Rader M. Dostoevsky and the Demiurge. *The Sewanee Review*, 1931, Vol. 39, No. 3. Pp. 282-292. (In English)
13. Rader M. The Artist as Outsider. *The Journal of Aesthetics and Art Criticism*, 1958, Vol. 16, No. 3. Pp. 306-318. (In English)
14. Wilson C. *The Outsider*. London: Pan books LTD, 1956. 340 p. (In English)